

Ю. С. КИРЬЯКОВ

БОЛГАРО-ГЕРМАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ (октябрь 1938 — март 1939 г.)

Проблемы дипломатической борьбы на Балканах и развитие гитлеровской экспансии в этом районе Европы накануне второй мировой войны в последние годы привлекают пристальное внимание историков социалистических стран.¹ Более узкому вопросу этой проблемы — истории болгаро-германских отношений после Мюнхена — посвящен ряд работ болгарских и советских исследователей.² Наметившийся в последние годы отход от односторонней оценки болгарской внешней политики в предвоенный период как полностью прогерманской требует от историков тщательного изучения внутри- и внешнеполитического курса болгарского фашизма.

В данной статье делается попытка на основании известных уже болгарских и германских дипломатических документов, зарубеж-

¹ Л. Живкова. Англо-турските отношения. София, 1972; Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М., 1963; И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Дунайском бассейне и Балканах в конце 1938—начале 1939 гг. — В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972. Z. Avramovski. Sucob interesa Velike Brianije i Nemačke na Balkanu uoci drugog svetskog rata. — «Istoria XX veka», 11. Beograd, 1961; L. Zhivkova. The imperialist contradictions between England and Germany in the Balkans on the eve of World War II — «Etudes Historiques», V. Sofia, 1970.

² Л. Б. Валиев. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры. — «Новая и новейшая история», 1971, № 1—2; Н. Генчев. Външнополитическата ориентация на България в навечерието на втората световна война (септември 1938—септември 1939). — «Годишник на СУ, историко-философски факултет», кн. III (история), т. LXI. София, 1967; Он же. Българско-германски дипломатически отношения (1938—1941 гг.). — В сб.: Българско-германски отношения и връзки, т. I. София, 1972; Д. Машев. Прогерманската ориентация на българско правителство в навечерието на втората световна война. — «Годишник на СУ, юридически факултет», т. LV. София, 1964; С. И. Рябоконь. Позиция болгарского монархо-фашистского правительства в период Мюнхенского соглашения. — В сб.: Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. Свердловск, 1968; Кр. Манчев. Германия и българо-югославските отношения в навечерието на втората световна война. — В сб.: Българско-германски отношения и връзки, т. 1, София, 1972.

ной прессы, а также недавно опубликованных в СССР советских архивных материалов³ проследить ход болгаро-германских дипломатических переговоров от Мюнхена до захвата остатков Чехословакии и возникновения политического кризиса в Европе. Обращается внимание на роль мюнхенской политики западных держав в усилении прогерманской ориентации правящих кругов Болгарии.

Мюнхенское соглашение породило у правящих кругов Болгарии уверенность в том, что наступил период легального пересмотра основных положений Версальской системы. С периодом серьезных политических изменений в Европе болгарский монархофашизм связывал планы преодоления серьезных экономических затруднений и создания современной армии на основе мобилизации внутренних ресурсов, а также получения крупных долгосрочных кредитов и займов экономического и военного характера. Одновременно фашистское правительство Кьосеиванова надеялось на легальный пересмотр территориального статус-кво на Балканах и удовлетворение «национальных чаяний болгарского народа» относительно отошедших по Нейискому договору к Румынии, Греции и Югославии бывших болгарских территорий.⁴

Однако, в отличие от воинствующих шовинистов, царь Борис и его правительство не отказались от маневрирования между двумя империалистическими группировками и «предпочитали добиваться «национальных идеалов» болгарской буржуазии мирным путем, с помощью дипломатии».⁵

В 30-е годы Германии удалось серьезно укрепить свои экономические позиции в Болгарии, практически монополизировав ее внешнюю торговлю и интенсивно внедряясь в ведущие отрасли промышленности и банковское дело.⁶ Экономическая экспансия постоянно взаимно дополнялась укреплением политического влияния гитлеровцев на болгарское правительство.

В 1938—1939 гг., особенно после заключения болгаро-германского соглашения о военном кредите от 12 марта 1938 г.⁷, «важнейшим средством ограбления болгарского народа германскими монополиями» и, одновременно, средством постоянного нажима на

³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938—август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.

⁴ См.: Г. Камбуров. Территориальные и военные клаузы на Ньойский договор и их исполнение. — «Военно-исторический сборник». София, 1959, № 5, стр. 31—60.

⁵ В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры, стр. 88.

⁶ См.: И. Н. Чемпалов. Усиление позиций германского капитала в Болгарии в 30-е годы XX в. — «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 3—11.

⁷ Там же: Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма.

болгарские правящие круги становятся поставщиками германского вооружения в Болгарию.⁸

Однако усиление позиций Германии в болгарской экономике и политической жизни вызвало серьезное недовольство значительных слоев болгарской буржуазии. Клиринговые соглашения с Германией, привязавшие болгарский экспорт к германскому рынку, практически лишали страну свободных девизов. После аншлюса Австрии и расчленения Чехословакии внешнеторговые позиции Болгарии резко ухудшились: она лишилась важных рынков, и, вместе с тем, последних валютных поступлений. Острое недовольство болгарской буржуазии, а также широких слоев болгарской общественности вызывал тот факт, что Германия наживалась на реэкспорте болгарских товаров, получая твердую валюту, продавая их гораздо дороже, чем платила за них Болгария по клирингу. В обмен Германия сбывала своему партнеру второсортные товары и устаревшие военные материалы по ценам на 25—30% выше, чем стоили бы те же, но более качественные товары, в других странах.⁹

Этим в какой-то мере объясняются попытки монархо-фашистских правителей Болгарии в 1938 г. найти новые рынки для сбыта болгарских товаров в обмен на свободные девизы, освободиться от все возрастающей зависимости от германской экономики путем расширения экономических связей с западными державами и получения от них помощи в реализации собственной программы вооружения. Эти тенденции в болгарской политике, а также активизация англо-французской дипломатии на Балканах летом 1938 г. серьезно беспокоили накануне Мюнхена министерство иностранных дел и военное руководство гитлеровской Германии. Германская миссия в Софии предлагала даже пойти на более широкое соглашение с болгарским правительством в вопросе о перевооружении армии с тем, чтобы предотвратить ослабление собственных позиций в экономической и политической жизни страны.¹⁰

Мюнхенское соглашение серьезно изменило положение: гитлеровцы убедились, что западные державы готовы превратить страны Юго-Восточной Европы, в том числе и Болгарию, в разменную монету в широкой сделке с державами оси и не намерены эффективно противодействовать превращению этого района в германскую экономическую сферу. Оценивая роль Мюнхена в развитии германской экспансии на Балканы, рупор английских финансистов журнал «Банкер» отмечал: «Он (Мюнхен. — Ю. К.) разрушил таинственный эффективный барьер, который лежал на пути Германии к экономическому и политическому господству на Балканах».¹¹

⁸ В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939). стр. 442; И. Н. Чемпалов. Усиление позиций германского капитала в Болгарии., стр. 9—10.

⁹ Стенографски дневници на XXIV Обикновено Народно събрание. Втора извънредна сесия. София, 1938, 4 заседание, 27.X. 1938, стр. 68.

¹⁰ DGFP, Ser. D, vol. V, № 226, p. 306—307.

¹¹ «The Banker», № 154, XI.1938, p. 118.

Предпринятая в начале октября 1938 г. поездка министра экономики Германии Функа в Турцию, Югославию и Болгарию ставила своей целью закрепить благоприятно сложившееся положение долгосрочными экономическими соглашениями,¹² которые превратили бы эти страны в аграрно-сырьевые придатки Германии. Осуществление широко рекламируемого плана Функа¹³ привело бы к установлению господствующего положения Германии на Балканах и Ближнем Востоке.¹⁴

Однако вояж Функа не дал ожидаемых немедленных результатов. Наиболее показательны в этом смысле трехдневные переговоры в Софии. Болгарское правительство практически отвергло новое соглашение сроком на 12 лет о полном импорте в Германию всех болгарских сельскохозяйственных товаров по заранее фиксированным ценам,¹⁵ обещав лишь ряд новых льгот при вывозе болгарских продуктов в Германию.¹⁶ Правящие круги Болгарии возлагали еще известные надежды на получение экономической помощи со стороны западных держав и, главное, как справедливо отмечала лондонская «Таймс», не торопились превращаться в полного вассала Германии «до тех пор, пока они ясно не увидят будущее отношений между Германией и Великобританией».¹⁷

В Софии не без основания считали, что получение широкой финансово-экономической помощи со стороны западных держав должно было явиться логическим следствием Салоникского соглашения от 31 июля 1938 г. Вслед за подписанием этого соглашения, 6 августа 1938 г. группа французских банков согласилась на предоставление Болгарии кредита в 375 млн. франков, предназначенного для закупок железнодорожного оборудования и оружия.¹⁸ Французский кредит, предоставленный на сравнительно льготных условиях, имел бы для страны весьма важное значение как с точки зрения укрепления ее обороноспособности, так и для расширения экспорта болгарской сельскохозяйственной продукции.¹⁹

Правительство Кыосеиванова надеялось, что французская инициатива будет активно поддержана аналогичными действиями Англии. Несмотря на то, что во время пребывания царя Бориса в Лондоне в сентябре 1938 г. ему не удалось сдвинуть этот вопрос с мертвой точки,²⁰ сразу же после Мюнхена болгарское прави-

¹² A. Basch. The Danube Basin and German economic sphere. New-York, 1944, p. 208; L. Zhivkova. The imperialist contradictions between England and Germany in the Balkans..., p. 521.

¹³ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г., стр. 7—8.

¹⁴ «Известия», 1938, 8 октября; «The Banker», № 154, XI.1938, p. 118.

¹⁵ «The Times», 1.XI.1938, p. 13.

¹⁶ E. Wiskemann. Undeclared war. New-York, 1967, p. 162.

¹⁷ «The Times», 1.XI.1938, p. 13.

¹⁸ DGFP, Ser. D, vol. V, N 222, p. 301—302.

¹⁹ Стенографски дневници на XXIV ОНС, 2 извънредна сесия, 3 засед., 26.X. 1938, стр. 32. Выступление депутата Г. Петрова.

²⁰ DGFP, Ser. D, vol. V, N 241, p. 326; N 250, p. 333.

тельство возобновило переговоры о предоставлении английских кредитов на вооружение Болгарии. Однако английская сторона обуславливала возможность предоставления кредитов Болгарии ответной гарантией трансфера девизов, на что болгарское правительство не могло пойти.²¹

28 октября болгарский посланник в Англии Момчилов вел переговоры по этому поводу с Галифаксом. Он открыто дал понять английскому министру иностранных дел, что получение кредитов прямо связано с возможностью дальнейшего развития Салоникского соглашения и сохранением лояльности Болгарии в отношении своих соседей. Однако болгарский посланник не получил никаких конкретных обещаний по вопросу о кредитах, и по решению болгарского правительства переговоры были отложены до конца ноября.²²

Одновременно болгарская сторона столкнулась с серьезными трудностями в реализации франко-болгарского соглашения от 6 августа: болгарское правительство обязалось размещать свои заказы во Франции лишь в тех фирмах, которые предоставили кредиты упомянутым банкам; фирмы же резко взвинтили цены на свою продукцию. Попытки болгар разместить свои заказы на других французских предприятиях натолкнулись на резкое сопротивление банковского консорциума.²³ Фактически сделка была парализована. Продолжавшиеся в октябре — ноябре 1938 г. франко-болгарские переговоры о поставках вооружения и оборудования в счет обещанного французами кредита закончились неудачей.²⁴

Таким образом, попытки болгарского правительства непосредственно после Мюнхена опереться на эффективную помощь западных держав в реализации своей программы вооружения и укрепления экономической независимости от Германии не дали результатов. Западные державы не проявляли заинтересованности в эффективной помощи Болгарии, однако и не прерывали с ней переговоры. Признавая приоритет Германии в экономике Балканских стран, англо-французские мюнхенцы не помышляли «о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе...» считая, что создание «срединой Европы» толкнет Гитлера на конфликт с СССР». ²⁵

Несколько позднее, в конце ноября 1938 г., английский посланник в Афинах Уотерлоу прямо заявил своему болгарскому коллеге Шишманову, что все страны Юго-Восточной Европы, кроме Греции и Турции, имеющие для Англии важное военно-стратегическое значение, входят отныне в сферу экономических интересов

²¹ DLFP, Ser. D, vol. V, № 241, p. 326, N 250, p. 333.

²² ЦДИА, ф. 176, оп. 7.а.е.941, л. 36—37.

²³ Стенографски дневници на XXIV ОНС. 2 извънредна сесия, 3 засед., 26.X.1938, стр. 35—37. Выступление депутата Г. Петрова.

²⁴ Там же, выступление депутата Н. Сакарова, стр. 38—40; DGFP, Ser. D, vol. V, N 250, p. 333.

²⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971, № 26, стр. 51.

Германии, и поэтому Англия не намерена оказывать им финансовую поддержку.²⁶

Такой подход ставил под угрозу программу перевооружения Болгарии, объективно способствовал укреплению зависимости страны от германских поставок и кредитов.

Мюнхенское соглашение поставило Болгарию перед прямой угрозой превращения в вассала Германии и потери национальной независимости. Это привело к обострению внутривластной борьбы между правящей монархо-фашистской группировкой и многочисленными прогерманскими экстремистскими элементами и прямой гитлеровской агентурой в Болгарии. Об этом свидетельствует факт убийства 10 октября 1938 г. начальника болгарского генерального штаба генерала И. Пеева.²⁷ Правительство Кыосеиванова, официально выдвигавшее в качестве своего внешнеполитического кредо формулу «мирная ревизия — нейтралитет — независимость»,²⁸ объективно способствовало усилению прогерманских элементов в стране и устранению патриотически настроенного военного деятеля, который активно препятствовал односторонней ориентации на гитлеровскую Германию и поставкам вооружения державам оси. Болгарский военный историк Г. Попцвятков считает далее, что после устранения Пеева путем утверждения в Народном Собрании новых чрезвычайных военных кредитов²⁹ распределения этих кредитов на заседании Военного Совета 3 ноября 1938 г. дворцовое правительство практически «решило вопрос о направлении внешней политики и месте болгарской армии в подготавливаемой гитлеровской Германией второй мировой войне».³⁰

Усилению прогерманских тенденций в политике правительства Кыосеиванова способствовали итоги первого Венского арбитража от 2 ноября 1938 г. Вслед за Мюнхеном этот арбитраж наглядно продемонстрировал стремление западных держав устранились от решения судьбы народов Юго-Восточной Европы, передавая ее в руки держав оси. Болгарское правительство вновь убедилось, что путь к реализации его территориальных претензий лежит через укрепление сотрудничества с осью, и в первую очередь, с Германией.

Венский арбитраж способствовал росту ревизионистских настроений в Болгарии. Своей кульминации волна ревизионистских

²⁶ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах., стр. 67—68.

²⁷ «Работническо дело», год. XII, бр. I, X.1938.

²⁸ Н. Генчев. Външнополитическата ориентация България в навечерието на втората световна война (септември 1938 — септември 1939), стр. 169.

²⁹ См.: Стенографски дневници на XXIV ОНС, 2 извънредна сесия, 1—4 заседания, 23—27.X.1938.

³⁰ Г. Попцвятков. Убийство на генерал Пеев. — «Военноисторически сборник». София, 1966, № 2, стр. 69. Подобный вывод, в целом правильно отражающий тенденцию развития внешнеполитической ориентации Болгарии, в конкретной обстановке осени 1938 г., на наш взгляд, является несколько преждевременным.

выступлений в стране достигает 27 ноября, в годовщину Нейнского договора.³¹ Однако Мюнхенское соглашение и Венский арбитраж, а также последовавший за ними взрыв ревизионизма в Болгарии, способствовали усилению антиревизионистских настроений в странах — членах Балканской Антанты. Неудачно для болгарского правительства закончились прямые переговоры с Югославией в г. Нишка-Баня 30 октября 1938 г.³² Последовавшие за ними выступления югославского премьера Стоядиновича 5 ноября на предвыборном митинге в Белграде³³ и 13 ноября в г. Нови Сад,³⁴ внешнеполитическое заявление греческого премьера Метаксаса после возвращения из Анкары 27 ноября³⁵ и лихорадочная дипломатическая активность румынского монарха свидетельствовали о том, что Болгарии не удастся в ближайшем будущем добиться мирного пересмотра балканских границ на пути развития Салоникского соглашения.

Тем самым, продолжение мюнхенской политики западными державами, неблагоприятное для Болгарии развитие обстановки на Балканах и рост внутреннего недовольства бесперспективной внешней политикой правительства Кыосеиванова, заставили болгарский монархо-фашизм внести некоторые коррективы в свою выжидательную политику «незафиксированных политических обязательств». Правящие круги Болгарии все откровеннее связывали реализацию своих планов с укреплением связей с гитлеровской Германией.

На следующий день после Венского арбитража, 3 ноября 1938 г., болгарский посланник в Берлине П. Драганов посетил статс-секретаря германского МИДа Вейцекера и возобновил с ним переговоры по вопросу о территориальных претензиях Болгарии³⁶ и предоставлении ей дополнительного военного кредита.³⁷ Касаясь последних событий в Европе, Драганов подробно изложил германскому дипломату смысл болгарских претензий на Южную Добруджу и выход к Эгейскому морю, а также суть «особых отношений с Югославией».³⁸

В ответ Вейцекер пытался убедить Драганова, что болгарские претензии могут быть урегулированы только при посредничестве великих держав, в частности, держав оси. При этом гитлеровцы прямо намекнули на то, что, заключив Салоникское соглашение, Болгария сама исключила этот вопрос из повестки дня.³⁹

³¹ ЦДИА, ф. 370, а. е. 636, л. 1; ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 570, л. 20—22.

³² DGFP, Ser. D, vol. V, N 240, p. 325; «The Times», 1.XI.1938, p. 13; Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemacke na Balkanu uoci drugog svetskog rata. — «Istoria XX veka» 11. Beograd, 1961, s. 107.

³³ «The Economist», 5.XI.1938, p. 261.

³⁴ «The Times», 14.XI.1938, p. 11.

³⁵ Survey of international affairs. 1938, vol. 111. London, 1953, p. 451.

³⁶ Д. Машев. Прогерманската ориентация..., стр. 312.

³⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 676, л. 18—21.

³⁸ Там же, л. 18—19.

³⁹ Там же, л. 19—20.

Вейцекер уклонился от конкретных обещаний относительно дополнительных германских кредитов на вооружение Болгарии. Ссылаясь на то, что Германия осуществляет собственную программу перевооружения и очень нуждается в дивизах, немецкий дипломат дал понять, что в Берлине крайне недовольны заключением франко-болгарского кредитного соглашения. Откровенно шантажируя болгарское правительство, Вейцекер высказал сомнения в его платежеспособности.⁴⁰

О том, что сдержанное отношение гитлеровцев к болгарским просьбам было отнюдь не финансового характера, свидетельствуют меморандум директора отдела экономической политики Вилья от 15 ноября 1938 г. Виль подчеркивал, что министр экономики Функ в беседе с К. Клодиусом не имел возражений против увеличения кредита болгарам, однако считал это «всецело политическим вопросом...»⁴¹ Хотя новое кредитное соглашение могло отвлечь Болгарию от попыток получить кредиты от западных держав и прочно связать ее программу вооружения с Германией, германские дипломаты стремились предварительно заручиться какими-то определенными обязательствами правящей в Болгарии монархофашистской клики в отношении ее дальнейшей политической ориентации.

11 ноября П. Драганов вел переговоры с Функом по вопросу о новом кредите в 45 млн. марок. Функ объяснил задержку с решением вопроса о кредите строжайшим указанием фюрера продавать вооружение только в обмен на дивизы. Однако он заметил, что для дружественных Германии государств может быть сделано исключение: часть платежей может быть осуществлена сырьем. Драганов пытался привлечь собеседника предложением расширить поставки руды в Германию с Пиринского свинцово-цинкового рудника фирмы «Гранитоид», которые покрыли бы 20 % дивизных платежей.⁴² На это Функ ответил, что окончательное решение зависит от фельдмаршала Геринга, который вскоре лично займется этим вопросом.⁴³

Суммируя результаты проведенных в начале ноября 1938 г. переговоров со статс-секретарем Вейцекером, заместителем начальника торгово-политического отдела МИД Клодиусом, начальником штаба ОКВ генералом Кейтелем и начальником отдела вооружений ОКВ генералом Томасом, Драганов отмечал в своем донесении в Софию от 11 ноября,⁴⁴ что все они обещали поддержку в вопросах о новом кредите, но подчеркивали необходимость оплаты кредита свободными дивизами или сырьем. Большинство собеседников Драганова выделяли тот момент, что, согласившись на

⁴⁰ DGFP, Ser. D, vol. V, N241, p. 326.

⁴¹ DGFP, Ser. D, vol. V, N 250, p. 333—334.

⁴² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 584, л. 73—74. Болгарский посланник в Берлине Драганов — Болгарскому МИД. 11.XI.1938.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

новые поставки вооружения в Болгарию, Германия, которая осуществляет в данный момент собственную программу перевооружения, пойдет тем самым на великую жертву и надеется на соответствующие уступки со стороны болгарского правительства.⁴⁵

Особенно наглядно подтверждают стремление гитлеровцев заручиться твердыми гарантиями со стороны Болгарии проходившие 9 ноября переговоры Драганова с генералом Удетом, начальником отдела вооружений министерства авиации.⁴⁶ Выступая как доверенное лицо Геринга, Удет поставил перед болгарским посланником несколько конкретных вопросов: «Каково положение Болгарии на Балканах, с какими государствами на Балканах вы (болгары — Ю. К.) связаны, как бы вела себя Болгария при возможных осложнениях, и каковы гарантии, что «когда-либо вооружение, которое вы получите от нас, не будет направлено против нас».⁴⁷

В ответ Драганов подчеркнул, что интересы Германии и Болгарии «нигде не сталкиваются» и болгарское правительство готово сотрудничать с Германией на Балканах. Переходя к Румынии, болгарский посланник подробно изложил Удету болгарские претензии на Южную Добруджу, особенно подчеркнув при этом, что «наши претензии против Румынии могли бы быть еще большими... Однако понимая необходимость для Румынии выхода к Черному морю», болгары ограничиваются только частью Добруджи. Все в руках Германии, как бы убеждал гитлеровцев Драганов: если вы против Румынии, то мы с вашей помощью вернем Добруджу; если Румыния ваша союзница, то вы сами должны убедить ее вернуть болгарам Добруджу и тем самым приобрести в лице Болгарии своего союзника.⁴⁸

Драганов пытался также убедить Удета в необходимости предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю через Фракию и в тех выгодах, которые получила бы от этого сама Германия. Однако Удет уклонился от обсуждения отношений Болгарии с Грецией и Турцией.

В конце разговора болгарский посланник вновь вернулся к вопросу о германских кредитах. Он уверял генерала в том, что вооружение крайне необходимо Болгарии для того, чтобы сохранить «нейтралитет» и не быть втянутой в возможный конфликт вопреки собственным интересам и против Германии. Удет ушел от прямого ответа, сославшись на предстоящее решение этого вопроса Герингом, но выразил уверенность, что фельдмаршал, видимо, подарит болгарам необходимые им несколько учебных самолетов, «тем самым еще сильнее укрепляя дружбу между двумя нашими странами».⁴⁹

⁴⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 584, л. 73—74. Болгарский посланник в Берлине Драганов — Болгарскому МИД. 11.XI.1938 г.

⁴⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 584, л. 59—63.

⁴⁷ Там же, л. 59—60.

⁴⁸ Там же, л. 61—72.

⁴⁹ Там же, л. 62—63.

Переговоры, проведенные Драгановым в Берлине, свидетельствовали о готовности правящих кругов Болгарии пойти на существенные уступки Германии в экономическом и политическом отношении. Заручившись твердыми гарантиями Германии о предоставлении дополнительных кредитов для перевооружения армии и поддержкой своих территориальных устремлений, они готовы были отбросить свою выжидательную позицию «незафиксированных обязательств» и придать своей внешней политике ярко выраженный прогерманский курс. О том, что это не только личные установки прогермански настроенного посланника в Берлине, свидетельствует весь ход болгарско-германских переговоров в период от Мюнхена до марта 1939 г.

Итогом предварительных переговоров в Берлине была состоявшаяся 14 ноября встреча Драганова с фельдмаршалом Герингом,⁵¹ от которой зависело решение вопроса о предоставлении кредитов на вооружение Болгарии. Геринг повел разговор в преднамеренно грубом тоне, нарисовав картину «титанических усилий», которые он лично предпринимает для реализации новой программы перевооружения Германии. «И в такой момент, — продолжал фельдмаршал, — является Болгария, у которой нет ни средств, ни сырья, ни сырья, и просит у меня вооружение, которое и мне самому нужно». Он настойчиво подчеркивал тот факт, что Германия в этих условиях лишь 10 % вооружения продает и то только за свободную валюту, даже с японцев потребовала 100 % девизов за поставки вооружения. Безусловно, отметил Геринг, ему было бы «куда приятнее дать оружие дружественной Болгарии», но в данный момент, увы, он бессилён.⁵²

Драганов пытался убедить фельдмаршала в том, что Болгария способна оплатить поставки оружия, если оно будет дано на тех же условиях, что и кредит от 12 марта 1938 г. Он отметил, что болгары ввозят в Германию большое количество товаров, которые являются почти девизами, так как «Германия перепродает их за границу и получает за них валюту...» При этом посланник напомнил, что успешный исход переговоров делегации немецких фирм с «Гранитоидом» обеспечит немцам такое количество руды, которое покроеет 3—4 миллиона марок в валюте.

В ответ Геринг неожиданно адресовал болгар за самолетами к итальянцам, а потом начал откровенно издеваться над собеседником, предлагая получить у англичан заем в валюте. «Я слышал, что вы имеете от них предложения», и на эти деньги закупить в Германии вооружение⁵³ (в частности те самые учеб-

⁵⁰ В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры, стр. 86.

⁵¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 943, л. 4—7. Болгарский посланник в Берлине Драганов — Болгарскому МИД. 14.IX.1938.

⁵² Там же, л. 4—5.

⁵³ Там же, л. 6.

ные самолеты, которые Геринг, по твердому убеждению Удета, должен был просто подарить болгарам в знак дружбы). Устроив болгарскому посланнику фактический разнос за хитроумные пируэты болгарской дипломатии, в конце разговора Геринг несколько изменил тон, закончив разговор словами: «Ладно, Я еще раз изучу этот вопрос (о кредитах — Ю. К.), особенно вопрос о руднике «Гранитоида», и посмотрим, что еще можно сделать».⁵⁴

Тактический ход Геринга при переговорах с Драгановым был тщательно продуман. К концу 1938 г. болгарский экспорт уже находился в руках Германии. На повестку дня гитлеровцы поставили вопрос о контроле над минеральными ресурсами страны: они требовали передачи им полного контроля над рудниками общества «Пирин», принадлежащего «Гранитоиду», и германским фирмам «Отто Вольф» и «Фелттен унд Гильом Карлсверке А. Г.» Однако проходившие в середине декабря 1938 г. переговоры между представителями «Гранитоида» и руководством германских фирм закончилось, к неудовольствию болгарского правительства, безрезультатно: представитель «Гранитоида» Атанасов требовал компенсации за передачу контрольного пакета акций в фунтах, немцы же предлагали перевести ее на счет клиринга.⁵⁵ В дальнейшем вопрос о контроле над обществом «Пирин» стал важным условием успешного завершения болгаро-германских переговоров о военных кредитах.

Таким образом, надежды правительства Кыосеиванова на получение кредитов на перевооружение армии как со стороны западных держав, так и со стороны Германии, в первые месяцы вслед за Мюнхенским соглашением не оправдались.

Безуспешными оказались и попытки болгарского правительства заручиться поддержкой Германии в реализации своих территориальных притязаний в период обострения германо-румынских отношений в начале декабря 1938 г. Воспользовавшись сообщениями том, что румынский король во время пребывания в Германии⁵⁶ имел беседу с Гитлером о Добрудже, Кыосеиванов по распоряжению царя Бориса немедленно вызвал к себе германского посланника Румелина и затребовал разъяснений. Премьер просил срочно довести до сведения фюрера болгарские претензии на Добруджу. Однако германский посланник оставил его в неведении и тревоге.⁵⁷

8 декабря Драганов в переговорах с чиновником политического отдела стран Юго-Восточной Европы германского МИД Хейнбургом вновь обратил внимание гитлеровцев на необходи-

⁵⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 943, л. 4—7. Болгарский посланник в Берлине Драганов — Болгарскому МИД, 14.XI.1938.

⁵⁵ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах..., стр. 64—65.

⁵⁶ Survey of international affairs. 1938, vol. 111, p. 430—431.

⁵⁷ DGFP, Ser. D, vol. V, N 351, p. 354—355.

мость в ближайшее время удовлетворить болгарские территориальные претензии на Южную Добруджу и на выход к Эгейскому морю. Однако Хейнбург отделался лишь туманными заявлениями, следуя твердой инструкции не давать каких-либо конкретных обещаний или разъяснений германской позиции.⁵⁸

Не дал конкретного ответа на вопрос Драганова о позиции Германии в отношении возможного решения национального вопроса в Румынии и об отношении к действиям Болгарии в этом случае и заместитель статс-секретаря МИД Верман. В беседе с болгарским посланником 10 декабря 1938 г. Верман отказался дать ответ, поскольку руководство Германии «не знает еще, как будут развиваться события и при каких обстоятельствах будет рассматриваться этот вопрос».⁵⁹

Таким образом, обострение германо-румынских отношений не изменило в целом подхода гитлеровской дипломатии к болгарским требованиям. Она использовала болгарские и венгерские территориальные требования к Румынии для усиления нажима на Румынию. В разгар антирумынской кампании в Германии К. Клодиус подписал 10 декабря в Бухаресте новое германо-румынское экономическое соглашение.

Показательна позиция гитлеровцев в отношении претензий Болгарии на греческие территории. В результате проведенных 6 декабря переговоров с генералом Метаксасом (речь шла в основном о болгарском ревизионизме. — Ю. К.) германский посланник в Афинах Эрбах с удовлетворением констатировал, что, несмотря на членство в Балканской Антанте, Греция чувствует себя беззащитной. Углубление противоречий между Грецией и Болгарией открывало для гитлеровцев новые перспективы: это было в какой-то мере «шагом назад по сравнению с ситуацией, созданной Салоникским соглашением».⁶⁰

Болгария занимала исключительно важные стратегические позиции на Балканах, но с экономической точки зрения она представляла для Германии меньшее значение, чем Румыния и другие страны Балканской Антанты.⁶¹ После Мюнхена и, особенно, после подписания 6 декабря франко-германской декларации, гитлеровцы были убеждены в том, что отныне все страны Юго-Восточной Европы должны превратиться в сферу германского господства. Несмотря на то, что болгарское правительство проявляло готовность удовлетворить требования Германии в экономических вопросах взамен предоставления Болгарии германского оружия в кредит и поддержки болгарских территориальных требований к Румынии и Греции, гитлеровцы связывали вопрос о поставке Болгарии герман-

⁵⁸ Ibid., N 264, p. 351—352.

⁵⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 570, л. 54. Болгарский посланник в Берлине Драганов — Болгарскому МИД, 12.XII.1938.

⁶⁰ DGFP, Ser. D, vol. V, N 263, p. 349—350.

⁶¹ L. Zhivkova. The imperialist contradictions between England and Germany in the Balkans on the eve of World War, 11, p. 525.

ского оружия и о поддержке ее территориальных претензий с отказом от «заигрывания с западными державами» и объединением с державами оси в форме присоединения к антикоминтерновскому пакту.⁶² Болгарские и венгерские территориальные требования использовались ими как орудие давления на членов Балканской Антанты, в первую очередь на Румынию и Грецию.

В целях ослабления германского натиска некоторые страны Юго-Восточной Европы не прочь были в конце 1938 — начале 1939 гг. использовать поддержку СССР. Советское правительство со своей стороны активно поддерживало подобные тенденции. Характерно, что болгарское правительство оставляло советские предложения без ответа.⁶³ Оно демонстрировало узконационалистический подход к этой проблеме.

В своем донесении в Софию от 8 ноября 1938 г. болгарский посланник в Москве Антонов отметил, что румыно-советская граница проходит всего в 40 километрах от Одессы, вместе с тем он подчеркнул, что Германия стремится установить свой контроль над устьем Дуная. Антонов предлагал своему правительству использовать противоречия между СССР, Германией и Румынией и в подходящий момент предъявить Румынии требование о возвращении Добруджи.⁶⁴

В конце 1938—начале 1939 гг. изменение политической обстановки в Европе и взаимоотношений между двумя империалистическими группировками внесло новый элемент в положение на Балканах. После Мюнхена и особенно зимой 1938—1939 г. руководство фашистской Германии все сильнее склонялось к решению начать войну сначала против западных держав.⁶⁵ Об этом свидетельствует ход итало-германо-японских переговоров по вопросу об изменении характера антикоминтерновского пакта и превращении его в военный союз, начатых в конце октября 1938 г. встречей Чиано и Риббентропа в Риме.⁶⁶ В сложном комплексе причин, заставивших гитлеровцев выбрать в качестве первоочередного объекта военной экспансии западные державы, а не СССР, немаловажное место занимала и проблема Юго-Восточной Европы. Как позднее в марте 1939 г. вынуждены были констатировать сами немцы, политический вес Германии после Мюнхена оказался недостаточным «для того, чтобы соседние Германии на востоке и юго-востоке государства добровольно и

⁶² Survey of international affairs. 1938. Vol. 111, p. 449—450.

⁶³ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г. — В сб.: «Международные отношения в новейшее время». Свердловск, 1972, стр. 78—85.

⁶⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 570, л. 8—10.

⁶⁵ В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. М., 1967, стр. 10.

⁶⁶ DGFP, Ser. D, vol V, № 400, p. 515—520; см. также: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, № 53, стр. 94—96.

автоматически поставить под командование Берлина».⁶⁷ Гитлеровская верхушка постепенно убедилась в том, что без военной победы над «демократиями» им не удастся окончательно поставить на службу Германии экономические ресурсы стран Юго-Восточной Европы, использовать их как военно-стратегический плацдарм для экспансии на Восток. Тем самым в ходе подготовки к акции на Западе гитлеровской дипломатии необходимо было решить проблему по меньшей мере нейтрализации Балкан.

Западные державы с тревогой следили за ходом переговоров держав оси и Японии о заключении нового военного союза.⁶⁸ В качестве контрмер правительство Чемберлена предприняло шаги с целью оторвать Италию от оси, используя усиление итало-германских противоречий в Дунайском бассейне и на Балканах.⁶⁹ После неудачной попытки прямых переговоров с Италией,⁷⁰ в январе—феврале 1939 г. английская дипломатия возобновила интриги с целью создания на Балканах «нейтрального блока».⁷¹ Английское правительство намеревалось использовать балканский блок в качестве средства давления как на Германию, так и на Италию.

Болгарские правящие круги внимательно следили за изменениями в политике великих держав на Балканах. Монархо-фашистское правительство постоянно маневрировало, «действуя сообразно с международной обстановкой, которая в предвоенной Европе быстро и неожиданно менялась».⁷² «Чем сложнее становилась обстановка в Европе, — отмечал английский посланник в Софии Дж. Рендел, — тем сложнее по необходимости были эти маневры».⁷³

25 января 1939 г., под завесой «нейтралистских» деклараций Кыосеянова в парламенте,⁷⁴ царь Борис выехал на полуторамесячный отдых в Италию, где неоднократно встречался с Чиано и Муссолини, пытаясь заручиться поддержкой болгарских ревизионистских требований.⁷⁵

Разведка болгарского монарха в Риме свидетельствует о том, что болгарское правительство серьезно рассчитывало на поддержку Италии, надеясь, что Рим не отказался от попыток создания

⁶⁷ СССР в борьбе за мир..., № 419, стр. 233—235. Беседа германского журналиста с советником МИД Клейстом 13 марта 1939 г.

⁶⁸ Там же, № 90, стр. 154—158, 165—167, № 98.

⁶⁹ DGFP, Ser. 111, vol. 111, № 485, p. 498—499.

⁷⁰ Подробнее см.: Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969.

⁷¹ G. Rendel. The sword and the olive. London, 1957, p. 158—159; I. Hoptner. Yugoslavia in crisis. 1934—1941. New-York—London, 1962, p. 162.

⁷² В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры, стр. 89.

⁷³ Там же; G. Rendel, op. cit, p. 150—151.

⁷⁴ Н. Генчев. Външнополитическата ориентация на България..., стр. 157; Д. Казасов. Видяно и преживяно. София, 1969, стр. 600.

⁷⁵ The Ciano Diaries. 1939—1943. New-York, 1946, p. 15—16; DGFP, Ser. D, vol. V, № 312, p. 413.

на Балканах и в Дунайском бассейне нового блока. В начале февраля управляющий болгарской миссией в Тиране Пеев сообщил в Софию о намерениях Рима сколотить на Юго-Востоке Европы блок в составе Венгрии, Югославии, Албании и, возможно, Турции. Этот блок можно было бы превратить, в зависимости от намерений Италии, или в организацию, союзную Германию, или направить его против Берлина и создать, как выразился Пеев, «гранитную преграду в Юго-Восточной Европе против германского нашествия на эти страны».⁷⁶

В феврале 1939 г. политическая активность на Балканах во многом определялась подготовкой к предстоящей в Бухаресте сессии постоянного совета Балканской Антанты.⁷⁷ В центре внимания сессии стоял вопрос об отношении к ревизионистским требованиям Болгарии и о привлечении ее в Антанту. Накануне сессии столицы балканских государств стали ареной интенсивной дипломатической активности как самих членов пакта, так и дипломатов великих держав. Ведущая роль в ходе этих переговоров и на самой сессии в Бухаресте принадлежала турецкой дипломатии, которая, как отмечал болгарский посланник в Анкаре Христов, выступила в роли проводника английской политики.⁷⁸

Бухарестская сессия не смогла выработать приемлемых решений для превращения Балканского пакта в общевосточный блок для отпора агрессору. Она способствовала укреплению турецко-греческого союза внутри Балканского пакта и все большему отказу этих стран от сотрудничества с Румынией и Югославией. Причина заключалась отнюдь не в различном подходе членов пакта к проблеме привлечения к нему Болгарии и не в раздражающих Антанту противоречиях. Основную причину следует искать в неопределенности будущих отношений между двумя империалистическими группировками, и в частности, между Лондоном и Берлином. Противоречивость английской политики заключалась в том, что Лондон стремился, с одной стороны, сохранить угрозу превращения Антанты в единый общевосточный блок путем присоединения к нему Болгарии как орудия постоянного давления на Берлин, а с другой стороны, сохранить нынешнее разделение Балканского пакта на его южную (Турция — Греция) и северную (Румыния — Югославия) секции, что позволяло бы Лондону продолжать мюнхенский торг с Германией, но уже за счет Балкан. Включение Болгарии в Балканскую Антанту в духе развития Салоникского соглашения позволило бы гарантировать и внешние границы на Балканах,⁷⁹ к чему в тот период не стремилась английская дипломатия.

⁷⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 1128, л. 9—10. Доклад управляющего болгарской миссией в Тиране Пеева, 5.11.1939.

⁷⁷ L. A. Stavrianos. *Balkan Federation*. Northampton, 1944, p. 250.

⁷⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 1142, л. 1—4.

⁷⁹ I. Hortner, op. cit., p. 162.

Как следует из донесения болгарского посланника в Англию Момчилова от 18 февраля,⁸⁰ болгарская дипломатия внимательно следила за любыми изменениями во взаимоотношениях между Лондоном и Берлином. Анализируя оживленные экономические переговоры между Англией и Германией,⁸¹ Момчилов пришел к твердому убеждению, что «Англия готова уступить Германии очень многое в Европе, для того чтобы отвлечь ее от Средиземного моря от ожесточенной конкуренции на заокеанских рынках, а также от экономического сотрудничества»... с СССР. В случае соглашения по экономическим вопросам и если переговоры в Берлине (предполагаемая поездка в Германию министров О. Стэнли, Хадсона и Эштон-Гуэткина. — Ю. К.) не провалятся по каким-либо причинам, «европейские рынки останутся в германской сфере, за исключением, может быть, Турции и Греции».⁸² Несмотря на внешнее проявление твердой позиции Англией в отношении держав оси в начале 1939 г., «было бы ошибкой считать, — подчеркивал Момчилов, — что желание и необходимость договориться с Германией исчезла или даже уменьшилась в Англии».⁸³ Болгары постоянно чувствовали незаинтересованность Англии в превращении Балканской Антанты в эффективный инструмент мира и сопротивления германской агрессии. Этим во многом объясняется то, что накануне конференции в Бухаресте правительство Кыосеиванова категорически отказалось вести переговоры о присоединении к пакту. Во время встречи с турецким министром иностранных дел Сараджоглу по дороге последнего в Румынию болгарский премьер мотивировал свою позицию неуступчивостью Румынии в вопросе о Добрудже.⁸⁴ В ходе переговоров была достигнута окончательная договоренность о визите Кыосеиванова в Анкару в первой половине марта 1939 г.⁸⁵ Т. е. вопрос о внешнеполитическом курсе Болгарии еще не был решен: отказ от прямого присоединения к Антанте был частично компенсирован согласием продолжить политические консультации с Турцией в духе Салоникского соглашения.

Активизация английской дипломатии в Юго-Восточной Европе в начале 1939 г. встретила активное сопротивление Берлина. В целях противодействия английским усилиям по созданию «нейтрального блока» и закулисным интригам Италии на Балканах и в Дунайском бассейне гитлеровская дипломатия добивалась прямого присоединения ряда стран Юго-Восточной Европы к антикоминтерновскому пакту.

⁸⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 641, л. 18—22. Болгарский посланник в Лондоне Момчилов — Болгарскому МИД, 18.II.1939.

⁸¹ СССР в борьбе за мир..., примечания, № 75, стр. 675—676.

⁸² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 641, л. 21.

⁸³ Там же, л. 22.

⁸⁴ «Правда», 1939, 24 февраля; ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 570, л. 96.

⁸⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 818, л. 82.

Уклончивая и изворотливая политика Болгарии вызывала все растущее недовольство в Берлине, особенно в военных кругах, которым не нравилось слишком осторожное ведение МИД переговоров с болгарами. Но и дипломаты считали изменения в политической ориентации Болгарии назревшими. Об этом свидетельствует известный политический доклад временного поверенного в делах Германии в Софии Бюлова от 17 января 1939 г.⁸⁶ Автор доклада всерьез рассматривал возможность замены Кюсеиванова на посту премьера «более твердым человеком», т. е. с определенным прогерманским уклоном.

Не встречая реального противодействия со стороны западных держав, гитлеровцы попытались в феврале 1939 г. путем грубого нажима заставить правительство Кюсеиванова отказаться от лавирования между двумя империалистическими группировками и проведения «выжидательной политики». Они использовали начало работы сессии Балканской Антанты в Бухаресте для возобновления переговоров о новом кредите на вооружение Болгарии. Военные круги, в частности, руководство ОКВ, считали, что поставки оружия нужно прямо связать с поворотом во внешней политике Болгарии.

В соответствии с инструкцией Геринга, начальник отдела вооружений вермахта бригадный генерал Томас 21 февраля заявил болгарскому посланнику Драганову, что благоприятное завершение переговоров об увеличении кредитов на вооружение будет зависеть от присоединения Болгарии к антикоминтерновскому пакту.⁸⁷ Германское предложение вызвало замешательство в Софии.⁸⁸ Недовольны были и люди из ведомства Риббентропа, поскольку прямолинейные действия военных могли испортить им тонко рассчитанную игру. Вейцекер срочно пригласил к себе болгарского посланника, предварительно заручившись материалами о беседе Томаса с Драгановым.⁸⁹

24 февраля 1939 г. Вейцекер встретился с болгарским посланником и пытался представить дело так, что генерал Томас вел переговоры с Драгановым за спиной министерства иностранных дел. Представив заявление Томаса как его личное мнение статс-секретарь МИД категорически отрицал наличие прямой связи между кредитами и присоединением Болгарии к антикоминтерновскому пакту. Все же он счел нужным заметить, что в Берлине надеются, что получив новые кредиты, Болгария не станет проводить политическую линию, отличную от германской,⁹⁰ т. е. откажется от проведения политики в духе Салоникского соглашения.

Инцидент с генералом Томасом показал правящим кругам Болгарии, что новая обстановка требует от них ответной иници-

⁸⁶ DGFP, Ser. D, vol. V, N 254, p. 371—373.

⁸⁷ Ibid. N 361, p. 401; № 302, p. 402.

⁸⁸ Ibid., № 508, p. 699.

⁸⁹ DGFP, D, vol. V, N 302, p. 402.

⁹⁰ Ibid e m.

ативы, чтобы получить, наконец, германское оружие и поддержку болгарских территориальных требований.

В начале марта Кыосеиванов пригласил к себе германского посланника Румелина якобы для того, чтобы опровергнуть циркулирующие в Берлине слухи, что Болгария проводит не полностью прогерманскую политику.⁹¹ Болгарский премьер заверил Румелина в том, что в случае войны Болгария будет на стороне Германии, «но она не может с точки зрения своего невыгодного положения преждевременно заявить об этом открыто».⁹²

В ходе «откровенной» беседы Румелин заявил, что для «ревизии» болгарам следует «придать своей внешней политике определенный прогерманский уклон».⁹³ Кыосеиванов обещал посоветоваться с царем.

8 марта болгарский премьер вновь встретился с Румелином и заявил ему о готовности посетить Берлин. Поводом явится необходимость ответить на посещение Нейтралом Софии в июне 1937 г., но вместе с тем Кыосеиванов попытался вновь оставить для себя свободу маневрирования, связав сроки поездки с работой пока еще «непокорного» народного собрания.⁹⁴ Но германский посланник тотчас же постарался сузить возможности для лавирования, заявив, что «немцы согласятся на этот визит лишь в том случае, если он не будет сочетаться с «предупредительными визитами» в Париж и Лондон, что могло бы испортить впечатление от берлинской поездки».⁹⁵ Кыосеиванов заверил его, что поедет лишь в Берлин и обратно.

Эти переговоры свидетельствуют о том, что гитлеровцам не удалось, играя на противоречиях между Болгарией и ее соседями, заставить болгар капитулировать перед прямым нажимом.

Однако и правительство Кыосеиванова не смогло в период от Мюнхена до весны 1939 г. реализовать свою внешнеполитическую программу. Ни западные державы, ни Германия не были заинтересованы, по разным причинам, в поддержке болгарских вооружений и территориальных претензий. Объективно правительство Кыосеиванова вынуждено было все теснее связывать свою политику с политикой держав оси и уступать постепенно германскому нажиму. Оказавшись в центре сложной политической борьбы на Балканах, оно стремилось с наибольшей выгодой использовать как антисоветские цели империалистических группировок, так и межимпериалистические противоречия. Поэтому правительство Кыосеиванова не отказалось окончательно от своей «выжидательной» политики, оставляя за собой возможность дальнейшего маневрирования.

⁹¹ Ibid., N 312, p. 413—414.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibidem.

Новый подход к болгарским требованиям был намечен еще в упомянутом отчете Бюлова от 17 января.⁹⁶ Бюлов считал, что до тех пор, пока царь Борис не пойдет на изменения во внешней политике, т. е. не будет придерживаться всецело прогерманской ориентации, у немцев «нет оснований для изменения своей нынешней сдержанности в отношении болгарских ревизионистских устремлений». Несколько иначе ставился вопрос о кредитах и вооружениях для Болгарии.

Отмечая важность военного потенциала Болгарии в предстоящей войне, автор доклада считал, что было бы ошибкой разочаровывать прежде всего военные круги в их надеждах на дальнейшую помощь Германии в перевооружении страны. «Хотя я полностью признаю необходимость собственной германской программы вооружения, — продолжал Бюлов, — я, тем не менее, отважусь предостеречь против недооценки наших военных интересов здесь, как мы уже сделали психологически, дав Болгарии обещание, которое не в состоянии были выполнить».⁹⁷

В новой обстановке германский МИД склонялся к оценке, данной Бюловым: резервируя на неопределенный срок свое отношение к территориальным вопросам, удовлетворить потребность Болгарии в новых кредитах на вооружение, чтобы использовать их для укрепления прогерманских элементов в Болгарии, прочно связать всю программу вооружения страны с германскими поставками и тем самым получить средство для постоянного нажима на правительство Кыосеиванова.

14 марта 1939 г. по инициативе Риббентропа в Германском министерстве экономики было проведено межведомственное совещание по вопросу о дополнительных кредитах на вооружение Болгарии. Оно сочло в принципе необходимым в силу экономических и, главным образом, политических причин, предоставить Болгарии дополнительный кредит.⁹⁸ Это решение было поддержано министерством финансов, верховным командованием вооруженных сил, а также фельдмаршалом Герингом.⁹⁹

Серьезным аргументом в пользу кредитов был тот факт, что в начале 1939 г. после длительных переговоров под фактический контроль германских монополий перешло болгарское акционерное общество «Пирин».¹⁰⁰ Будучи дочерним предприятием «Гранитоида», общество «Пирин» имело концессии и шахты свинцовой, медной и цинковой руды в Смолянской, Златоградской и Каргалийской околиях, каменного угля — в Бургаской, Поморитской и Неврокопской околиях и концессии серебряной, свинцовой, медной и алюминиевой руды — в Панагюрске.¹⁰¹

⁹⁶ DGFP, D. vol. V, № 254, p. 371—373.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibid., № 314, p. 415—416.

⁹⁹ Ibid., № 315, p. 416—417.

¹⁰⁰ «Природа», кн. 3: София, 1960, стр. 71—74.

¹⁰¹ Ж. Натан, Л. Беров. Монополистический капитализм в България. София, 1958, стр. 240—241.

Вопрос о новом кредите следовало решать, по мнению МИД, на условиях, аналогичных условиям соглашения от 12 марта 1938 г., что обязало бы болгарское правительство резко увеличить поставки стратегического сырья в Германию.¹⁰²

17 марта 1939 г. директор отдела экономической политики сообщил Драганову о решении межведомственного совещания.¹⁰³ Однако решение касалось лишь 20 млн. марок вместо ожидаемых 45 млн. Вопрос о величине нового кредита стал в дальнейшем предметом нового нажима на болгарские правящие круги.

Решение об увеличении кредита Болгарии от 14 марта непосредственно предшествовало не только вступлению германских войск в Прагу, но и поездке болгарского премьера-министра Кыосеиванова в Турцию.¹⁰⁴ Эта поездка уже в течение нескольких месяцев серьезно беспокоила гитлеровских дипломатов: готовясь к полному уничтожению Чехословакии, они стремились застраховаться и от возможной гальванизации Салоникского соглашения. Решение вопроса о кредите на вооружение Болгарии должно было предотвратить ее переход на сторону Балканской Антанты при вероятном обострении англо-германских отношений.

В дальнейшем проблема германских кредитов Болгарии играла доминирующую роль в ходе болгаро-германских переговоров и регулярно извлекалась на свет для давления на правящие монархо-фашистские круги Болгарии с целью заставить их отказаться от маневрирования и занять сторону Германии.

¹⁰² DGFP, Ser. D, vol. V, N 315, p. 416—414.

¹⁰³ DGFP, Ser. D, vol. VI, № 17, p. 17—18.

¹⁰⁴ Ibid., N 67, p. 75—76. Д. Казасов. Видяно и преживяно, стр. 601; Н. Генчев. Външнополитическата ориентация..., стр. 157.